

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ФИННОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Наш интерес к вопросам самоидентификации финнов возник в связи с изучением хода адаптации финнов-репатриантов с территории бывшего Советского Союза на их "исторической родине" (Шлыгина 2004, 2006). Успешность этого процесса во многом зависела как от умения репатриантов включиться в новую социальную систему и культурную среду, так и от желания "аборигенов" принять "новую родину". В этом весьма значимы были психологические факторы, в том числе нормы самоидентификации обеих сторон.

Изучая эти вопросы, мы столкнулись с тем, что самоидентификация финнов в тот период – в 1990-е годы – вызвала разносторонние дискуссии и появление большого числа публикаций как научного характера, так и рассчитанных на широкого читателя.

Причины этого, как всеми признавалось, были связаны с вхождением Финляндии в те годы в европейское сообщество: в 1989 г. она вошла в Совет Европы, а в 1995 г. была принята в Европейский Союз. Соответственно страной была принята и Европейская декларация прав и свобод человека, которая, в частности, разрешала безвизовый въезд гражданам ЕС в любую из его стран.

В связи с этим необходимо напомнить, что финляндское общество длительное время жило в условиях определенной самоизоляции: почти три четверти века страна держала свои границы на замке. Это была целенаправленная политика властей, начало которой было положено сразу после обретения республикой самостоятельности в конце 1917 г. Стремление сделать границы страны – причем, в первую очередь, восточные – непроницаемыми объяснялось в то время реальной ситуацией. Финляндская экономика сильно пострадала в годы мировой войны, в стране еще шла гражданская война, а из России на ее территорию хлынул поток беженцев разного рода. Согласно источникам в период 1917–1922 гг. в Финляндию прибыло почти 42 тысячи беженцев, правда, значительную часть их составляли транзитники, направлявшиеся в другие европейские страны; определенная часть беженцев довольно быстро вернулась обратно, в родные края (Невалайнен 2003: 36). Но, тем не менее, страна была наводнена людьми, не имевшими крова над головой и лишёнными каких-либо средств к существованию (Там же: 77 и сл.).

Именно отсутствием материальной базы для содержания беженцев власти Финляндии объясняли свое решение не пропускать через границу никого, кроме лиц, получивших транзитную визу или имевших здесь коммерческую собственность. Немало говорилось и об угрозе "красной заразы", хотя эмигранты из России были в своем большинстве противниками Советов. Политика закрытых границ сохранялась в Финляндии и в последующее время. В 1930-е годы произошло даже ее ужесточение, что в определенной мере было обусловлено укреплением контактов с фашизирующей Германией. Это проявилось, в частности, в факте отказа в августе 1938 г. впустить в финляндские порты судно, на котором было 50 евреев-беженцев из оккупированной Австрии. Произошедшее вызвало громкий скандал в общественных кругах Западной Европы, но финляндские власти, как говорится, и ухом не повели. В том же году был ужесточен и паспортный контроль на границе: его передали в руки полиции. Безвизовый режим предоставлялся только гражданам Швеции и Эстонии (Там же: 98).

Характерно, что в 1939 г. Урхо К. Кекконен, в то время министр внутренних дел, "с законной гордостью" заявлял, что правительство немало сделало для того, чтобы "по-

ток беженцев из Центральной Европы не направлялся бы в нашу страну" (цит. по: *Lepola* 2000: 41).

Ситуация не изменилась и после Второй мировой войны: до 1970 г. право свободного въезда в страну практически имели лишь лица, вступившие в брак с гражданами Финляндии.

Правда, в 1958 г. парламентом был рассмотрен вопрос о праве политического убежища. Как таковое оно было признано, но соглашение о приеме политэмигрантов было подписано только через 10 лет, в 1968 г., а в 1976 г. их права были определены законодательством. При этом политэмигранты все же оставались под надзором полиции. Первые политические беженцы появились в Финляндии в 1970-е годы: это были чилийцы, курды, сомалийцы, вьетнамцы, затем беженцы из Югославии и др. Но в целом их численность в те годы была невелика: к 1990-му году она достигла 30 тыс., что составляло лишь 0,7% населения страны.

Адаптация иммигрантов в Финляндии, несмотря на их первоначально небольшую численность, была затруднена в определенной мере тем, что финское общество относилось если не негативно, то, во всяком случае, настороженно к "чужакам". Это было не только результатом длительной самоизоляции страны, но и укоренившимся представлением о том, что финляндская нация – это определенное генетически связанное единство, или этнос¹, а не демос, что подразумевает сообщество граждан, включающее различные этнические группы. Как отмечалось рядом исследователей, в частности Э. Геллнером, такая установка – нация-этнос – была вообще характерна для тех европейских стран, где обретению самостоятельности предшествовали национальные движения и борьба за становление национальной культуры. К ним принадлежала и Финляндия (*Gellner* 1983).

Включение Финляндии в европейское сообщество обуславливало не только появление в стране мигрантов из стран ЕС – людей различной этнической, языковой и расовой принадлежности, но и расширение контактов самих финнов в странах Европейского континента. Именно то, как отнесутся к ним в Европе, стало актуальной проблемой в 1990-е годы. Заметим, что из всех северных стран Финляндия имела в прошлом, пожалуй, наименее развитые прямые контакты с западноевропейскими странами. Возможно, поэтому в Западной Европе и не существовало образа "типичного финна" даже на бытовом уровне, подобного восходящим чуть ли не к средневековью представлениям, что, например, испанцы заносчивы, французы ненадежны, англичане глупы, а немцы – пьяницы (*Weber* 1990). Как известно, такие характеристики были нестабильны, причем "типичные" черты характера оценивались достаточно субъективно. Так, немцы характеризовали себя как народ экономный, "что было хорошо", а вот соседей-французов считали скупыми, что было уже негативной чертой.

В самой Финляндии были распространены представления об особенностях характеров финнов различных ее исторических земель (или "племен"). Они были известны в разных слоях общества и устойчиво сохранялись в ходе времени – к этому мы еще вернемся. Наряду с этим существовал и некий обобщенный, символический образ финна, который менялся в ходе времени.

Итак, накануне "встречи с Европой" в 1990-е годы для финнов актуальным стал вопрос их культурной идентичности и самооценки, представление о типичном или символическом финне сегодня. Как уже упомянуто, в научных работах, а также в широкой печати, появилось немало публикаций, посвященных этим проблемам, авторы которых ударились при этом в безудержную самокритику. Правда, их позиции не разделялись значительной частью исследователей, в том числе этнологов, фольклористов, историков и др. На этих материалах, анализирующих как ситуацию с самооценкой финнов в 1990-е годы, так и происхождение негативного образа "типичного финна", мы и остановимся ниже.

Одной из наиболее значимых работ нам представляется статья С. Апо, который проанализировал данные о негативных стереотипах финнов, содержащиеся в газетных материалах и в семинарских работах студентов Хельсинкского университета за 1994–1995 гг. (Апо 1998). С. Апо констатировал, что все, как будто бы сговорившись, сконцентрировали свои усилия на том, чтобы создать негативный образ современного финна и его культуры.

В целом складывалась такая картина: финны – это народ, вышедший из дремучих лесов, они малокультурны и отстают в развитии по сравнению с европейцами, народами т. н. старой культуры.

С. Апо составил даже перечень основных упоминаемых недостатков "типичного финна". Вкратце они таковы: это определенная некоммуникабельность и мало развитые формы общения. Финны не понимают шуток, плохо улавливают иронию. Они не умеют вести легкую беседу (small talk), не умеют произнести речь или дискутировать и т.д. В ряде случаев утверждалось, что это связано с неразвитостью финского языка, который не позволяет вести интеллектуальную беседу и затрудняет умственную деятельность. Финны невежливы как друг с другом, так и в общении с иностранцами. Наконец, финны патологичны как культурно, так и биологически. Это проявляется в том, что они занимают среди европейских народов одно из самых высоких мест по распространению алкоголизма, по убийствам, а также самоубийствам². Характерна также высокая смертность мужчин (Ibid.: 85).

Самым поразительным было то, что в конце XX в. финны не просто оказывались недостаточно цивилизованным народом, а что это связывалось с их биологическими особенностями. Как определяет С. Апо – это был некий саморасизм и возникало чувство, что время повернуло вспять на доброе столетие (Там же: 86). Тогда, после отделения Финляндии от Швеции и ориентации финляндской элиты тех времен на создание собственно финской культуры, в шведской печати шла кампания по обоснованию невыполнимости этой задачи. Причиной тому объявлялась определенная неполноценность финнов. Особенно известен был своими выступлениями журналист А. Солман. Он утверждал, что финским племенам свойственно отсутствие здравомыслия, внутренней энергии и чутья, необходимых для познания внешнего мира. Его статьи имели осязаемый расистский уклон (Ibid.: 121; см. также Суни 1989: 141).

Подобные взгляды и теории не исчезли и позже, причем они были распространены и в самой Финляндии, встречаясь в шведоязычной литературе. Они имели вполне определенный расистский характер: так, утверждалось, что финны стоят на более низком биологическом уровне, чем финляндские шведы. Как отмечают исследователи, в частности П.К. Хямяляйнен, эти построения нередко приобретали провокационный характер, особенно когда речь шла о событиях периода революции и гражданской войны. Так, финляндские шведы оценивали себя на фоне тех лет как народ более мужественный, индивидуалистический, реалистически мыслящий, уравновешенный и более свободолобивый, чем финны. У последних, предполагалось, был более женственный склад характера, существовала склонность к коллективизму, большая, чем у шведов, артистичность, а также наличествовала подверженность массовому психозу. Они как люди, стоящие на "биологически более низком уровне", были более привержены к социализму (Hämäläinen 1985: 411).

Исходя из этого, приверженцы таких взглядов считали, что события революционного периода можно было рассматривать как столкновение правопорядка и хаоса, индивидуализма и массовой истерии, культуры и варварства, цивилизованного Запада и брутального, первобытного, примитивного Востока (Castrén 1918; цит. по: Hämäläinen 1985: 413). Подобные взгляды были распространены в то время в среде местных шведов и на бытовом уровне (Aho 1919: 55–56).

В известной мере сходные воззрения встречались и в 1930–1940-х годах. Так, в 1930 г. Яакко Форсман писал, что финны не только физически, но и психически явно грубее

и неуклюжее, чем шведы, и потому воспринимают культуру и ее формы медленнее (цит. по: *Peltonen* 1998: 26–27). Иногда такие установки проявлялись в той или иной форме и в этнологических работах – в частности у К. Роб. Викмана (*Wikman* 1941), А.О. Фрейденталя (См.: *Mörne* 1936: 43–45).

Но если в XIX – первой половине XX в. подобные, по сути расистские, взгляды имели политическую подоплеку или были наследием прошлого, то их всплеск в конце XX в., причем в среде самих финнов, представлял несомненно, как уже отмечено, парадоксальное явление. Эту в высшей степени негативную самооценку С. Апо определил как "стигматическую" или "ущербную" (*self-spoilt identity*) – термином, введенным Э. Гоффманном (*Goffman* 1963).

Следует, пожалуй, добавить, что подобная склонность к самоуничижению просматривалась и в том, что в ряде случаев сами финны, сопоставляя себя с другими европейскими народами, склонны были видеть их превосходство, рассматривая даже истинные достоинства финнов в негативном свете. Так, вошедшая в поговорку финская честность в их собственных глазах оказывалась некой глупостью по сравнению с хитростью или ловкостью южных европейцев; собственные трудолюбие и добросовестность назывались помешательством на трудовой деятельности (*työhuullus*), а непритязательность и сдержанность оценивались как недостаток культуры (*Peltonen* 1998: 23).

Время показало, что "ущербная самоидентификация" достаточно быстро утратила свое значение и "самоликвидировалась". Но это парадоксальное явление, возникшее в 1990-е годы, заставило финляндских исследователей обратиться к истории возникновения образа символического финна, роли образованных слоев общества в его создании, а также рассмотреть реалии финской культуры конца XX в. Эти исследования представляют несомненный интерес, хотя в данном случае мы можем осветить их лишь кратко.

Образ "типичного финна", если пользоваться терминологией прошлых времен, его некая символическая фигура возникает в начале XIX в. Изначально он должен был олицетворять финна той эпохи, когда Финляндия перестала быть шведской провинцией и превратилась в автономное княжество в составе России. Именно это изменение статуса страны финляндские историки рассматривают как начало формирования национального самосознания – финской нации. (Можно напомнить также, что император Александр I на Порвоском ландтаге 1809 г. сказал, что финский народ поднимается теперь на уровень нации.)

В те времена эталоном финна стал прапорщик Стооль, герой стихотворно-прозаического цикла Ю.Л. Рунеберга (*Fänrik Ståls sägner*, 1848), посвященного войне 1806–1807 гг., которую автор представляет как войну за независимость. Позже Эйно Лейно³ не без иронии отмечал, что этот типичный финн был тихим, покорным, законопослушным малым, пожалуй, недалеким, но зато добросердечным (*Ibid.*). Немаловажным было и то, что при защите Родины он стоял насмерть.

Аналогичен прапорщику Стоолю по складу характера был другой литературный герой XIX в. – батрак Матти из "Книги нашей Земли" З. Топелиуса, написанной им как учебное пособие для детей младшего возраста. Батрак Матти был человеком несуетливым, застенчивым и упрямым. Именно упрямство было его второй натурой и основой его выносливости. Правда, в гневе он был способен на неконтролируемые поступки и насилие. Но в целом это был все же смиренный крестьянин прошедших времен. "Прошедших" уже и ко времени появления "Книги" в 1875 г.: третья четверть XIX в. была периодом существенных подвижек в экономике страны и изменений в социальной структуре ее населения. В сельском хозяйстве, в первую очередь в животноводстве, шел активный переход к товарному производству. Это вело к формированию крупных крестьянских ферм, с одной стороны, и с другой, – к разорению мелких крестьянских и арендаторских дворов. Проблема торпарей приобретала все большую остроту. В то же время шло быстрое формирование рабочего класса. При этом, если

бытовая культура рабочих в те годы была во многом еще близка к крестьянской, то в целом их жизнь подчинялась уже принципиально другим законам: это был распорядок дня "по свистку" и существование на заработную плату, что неизбежно вело и к формированию иного мировоззрения.

Однако, как отмечают финляндские исследователи, создается впечатление, что для образованных слоев общества эти изменения в социально-экономическом развитии страны оказались если не незамеченными, то, во всяком случае, неосознанными во всей их значимости (Ibid.). То, что наступили "новые времена", открылось для них, только когда начались народные волнения и затем разразилась всеобщая стачка 1905 г.

Для образованных слоев Финляндии это было не просто моральное потрясение, но и крушение их идеалов, в том числе "разочарование" в финском народе. Примером реакции на события 1905 г. служит одно из частных писем писателя Юхани Ахо, известного, в частности, своими панфинляндскими идеями. Наблюдая события тех дней, он констатировал: "Очень печально, что финский народ оказался не тем народом, каким мы его представляли" (цит. по: *Sarajas* 1962: 121).

В те годы образованное общество разочаровалось прежде всего в народе. Но, как вполне резонно ставит вопрос один из исследователей, о каком народе шла речь? Это был иллюзорный народ, образ которого возник в среде финноманов, когда в начале XIX в. началась собственная история страны, и который продолжал жить в представлениях и их преемниках. Этот финский народ должен был выступать именно как субъект истории и одновременно с этим должно было идти укрепление понятия Родины и патриотизма. Но при этом народ должен был быть довольным, послушным, покорным и тихим (*Alapuro* 1992: 7).

Но разочарование образованного общества не ограничивалось лишь представлениями о финском народе: крах потерпели и идеи, которыми жила интеллектуальная элита еще со времени фенноманов. Как сформулировала это известный финляндский литературовед А. Сараяс, "умники" разочаровались не только в народе, который оказался "не тем", но обманулись и в самих себе (*Sarajas* 1962: 121).

Взаимоотношения простого народа и образованного общества на новом этапе Эйно Лейно столь же иронично рисовал как театральную сцену: народ стоял на заднем плане, как живописные статисты, а образованное сословие суеилось на переднем плане, жестами управляя ими – показывая то на воду, то на берег и с обнаженной головой распевая рунберговскую "Моя земля" (официальный гимн страны) (Ibid.).

Подразумевавшаяся фенноманами идея солидарности образованного общества и народа была в 1905 г. погребена, как и представление о единстве самого народа.

Следствием гибели этих иллюзий было появление высказываний о том, что ныне выросло новое поколение финнов с иными моральными качествами: это было "искривленное" (*kieroon kasvaneet*), пассивное, асоциальное поколение (*Peltonen*, 1998:24). Вероятно, с позиций привилегированных слоев стачечников можно было рассматривать не только как асоциальных, но как и пассивных людей. Естественно, последующие события – революция и гражданская война в самой стране – внесли еще ряд негативных черт если не в характеристику всего финского народа, то одной его части – "красных финнов". Расправа с ними, как известно, была жестокой и беспощадной. Потерпевшая сторона стала базой возникновения образа не только асоциального, но и "опасного финна" – опасного потому, что он претендовал на какую-то власть в обществе.

Несмотря на разочарование общества "в народе", финский крестьянин оставался символической фигурой после и революции, и обретения Финляндией самостоятельности. С одной стороны, потому, что и в 1920–1930-е годы страна оставалась аграрной и крестьяне составляли две трети ее населения. С другой – зажиточные крестьяне, преимущественно южных и западных частей страны, в ходе гражданской войны поддерживали "белых".

Это позволяло создать представление о том, что финский народ можно было разделить на "хороших" и "плохих" финнов. Одни финны были благочестивыми, законопослушными гражданами, людьми с сильным характером, т.е. они были близки к тому самому рунеберговскому прапорщику Стоолу. Другую часть составляли еще "непробудившиеся" финны: малограмотные, ленивые, суеверные. Они не имели гигиенических навыков и были аморальны: склонны к алкоголизму и прочим грехам.

Кюэсти Вилкуна⁴, образованный крестьянин, журналист и народный писатель, так рисовал эту картину: "Одни – это глядящее исподлобья древнее племя таежных лесов, род, который не подчиняется никаким законам и никого не признает указчиком себе". Но наряду с этим родом существует и другой финский народ – "народ Финляндии, правительный, настоящий народ" (цит. по: *Alapuro* 1992: 8).

Символическим финном был именно такой крестьянин: свободолюбивый, никогда не знавший крепостного права наследный держатель своей усадьбы. Численность этих крестьян была не слишком велика – ведь 70% крестьянства составлял сельский пролетариат. Тем не менее подчеркивалась именно значимость крестьянина-дворовладельца, что подкреплялось различными акциями. Так, если дворохозяин мог доказать, что их род владеет усадьбой в течение не менее чем 200 лет, он получал соответствующее свидетельство, составлялось родословное древо фамилии. У въезда во двор устанавливали камень с выбитой на нем датой основания двора и т. д.

Роль крестьянства в становлении народной культуры подчеркивалась путем создания местных музеев крестьянского быта, старинные крестьянские постройки брали под охрану, крестьян побуждали хранить старинные орудия труда, утварь и т.д. Изучение крестьянского быта занимало одно из основных мест в финляндской этнографии того периода. Активно действовали такие организации, как "Центральное объединение сельскохозяйственных обществ", "Фонд крестьянской культуры" и др.

Стоит отметить, что в разного рода пропагандистской работе использовались тогда две основные линии. Одна из них ставила задачей подчеркнуть достоинства "настоящего финна", его патриотизм и героизм, спортивность (так, личность Пааво Нурми, победителя в различных видах бега на трех Олимпиадах, стала символом нации). Достоинства финнов озвучивались на различных официальных мероприятиях, празднествах; эта тема широко использовалась при работе с новобранцами и вообще в армии, а также в спортивных школах и обществах. Исследователи отмечают, что положительные образы финнов с их трудолюбием, неиспорченностью, сильным характером, героизмом находили отражение и в художественной, и в научно-популярной литературе (*Аро* 1998: 88–89).

Вторая линия – это борьба по преодолению "бескультурья народа", его необразованности. Эта тема была не новой: она уходила корнями в эпоху национального движения, одним из краеугольных камней которого было просвещение народа, его образование, причем на родном языке. Тема борьбы за всеобщую "цивилизованность" широко использовалась в школьном обучении, в различных консультативных институтах, в научной сфере, в литературе.

Как представляется, одна значимая черта признавалась за всеми финнами – они были достойными защитниками Родины, границы которой особенно важно было охранять на восточной стороне. Себя же Финляндия рассматривала как форпост, оберегающий Запад от восточной угрозы. Один из поэтов того времени, Ууно Кайлас писал: "Граница, как трещина во льду, передо мной Азия, Восток, а за спиной Европа, как страж со щитом стою я на своем посту" (цит. по: *Jutikkala* 1964: 374).

Следует сказать, что не только в пропаганде, но и в художественной литературе существовал негативный образ финна, которого следовало перевоспитывать: необразованного, необузданного, агрессивного и склонного напиваться до стадии невменяемости⁵.

Таковыми финнами представлялись и герои романа А. Киви "Семеро братьев", написанного еще в 1870 г. Уже тогда это произведение вызвало шок у некоторых читателей. Так, Ф. Сигнеус, литературовед, эстет и меценат, участник национального движения, был настолько им поражен, что даже запросил Э. Леннрота как человека, на его взгляд, сведущего, таков ли в самом деле финский народ. Последний дал довольно расплывчатый ответ, в основном посвященный языку романа, но все же ответил утвердительно на заданный вопрос (цит. по: *Apo* 1998: 117).

Сегодня представляется странным, что в те времена кто-то воспринял роман А. Киви как простое бытописание. Не были поняты ни его раблезианский стиль, ни истинный смысл интриги и символичность фигур самих семерых братьев. Символичным ведь было уже их число – семь, при этом каждый из них воплощал определенную черту характера; символично и то, каких и сколько вещей и животных братья берут с собой, уходя жить из деревни в лес. Замысел же автора – показать конфликт между стародедовскими нормами быта, которые хотят сохранить братья, и новыми формами жизни деревни, которые уже вовлекли в свое русло покидаемую ими деревню Тоукала. Но заканчивается роман, как известно, возвращением братьев с их лесного двора Импивара в деревню, в их родной двор Юкола: им приходится принять новую жизнь⁶.

Роман послужил также в дальнейшем для концепций о том, что финны – это дети "глухих лесов", хотя из романа явствует, что основное население жило в деревне, да и поселение братьев в лесу было временным. Представление о финне-дикаре из тайги связывалось и с проблемами формирования финского характера. Это отразилось и в ряде других литературных произведений. Так, в романе П. Аарнио "Наследие лесной глуши" (1949) дается в целом положительная оценка финского характера: финн свободолюбив, вынослив, спокоен, у него упорный нрав. Но автор говорит и о низком культурном уровне финнов, обусловленном их изоляцией в дебрях лесов, и о том, что жизнь их протекает в скудных условиях существования и печальном одиночестве (цит. по: *Peltonen* 1998: 30–31).

Эйно Крун (E. Krohn), писавший о финском характере, тоже считал, что народ, который искони жил изолированными группами в тиши бескрайних дремучих лесов, естественно становился необщительным, обращенным внутрь самого себя. М. Пелтонен, цитирующий Круна в своей статье "Ландшафт и язык как основа понятия о финской культуре" (*Ibid.*)⁷, напоминает, что, во-первых, первоначальное заселение страны происходило лишь по прибрежным зонам Финского и Ботнического заливов, и длительное время этими территориями и ограничивалось. Во-вторых, освоение таежных лесов с помощью подсечного земледелия и с возникновением там постоянных поселений велось в основном населением юго-восточных и восточных исторических земель Карьяла и Саво. Именно карьяласцев и савосцев менее всего можно упрекнуть в замкнутости характера и неразговорчивости (*Ibid.*: 29).

В современных исследованиях можно также встретить работы, анализирующие влияние изолированности бытия некоторых групп финнов на их характер и трудности контактов с внешним миром. Однако в этих работах иначе оцениваются и эти трудности, и самое понятие изолированных поселений.

Так, Х. Юликангас (*Ylikangas* 1996) основывает свои построения на данных о распространении агрессивности и насилия в Финляндии в наши дни. Эти материалы свидетельствуют, что случаи насилия почти всегда связаны с алкогольным опьянением. По приводимой им статистике⁸, среди стран Западной Европы Финляндия принадлежит к числу тех, где как потребление алкоголя, так и число насильственных смертей стоят на высшей ступени. Наибольшая частота насильственных смертей отмечается в северо-западных (Похьянмаа) и юго-восточных (Карьяла) частях страны (*Ibid.*: 36). Кроме того, смертоубийства характерны для новых, удаленных от городских центров, микрорайонов (так, в Хельсинки – это Якомьяки и Контула). По возрасту насильники,

как и повсеместно, относятся к младшей группе молодежи. В социальном плане – это беднота, пришедшая в город в поисках работы, часто из глухих местностей.

Такие люди не только обычно не умеют завязать контакты в новой среде, но часто и эта среда относится к ним с насмешкой: иногда из-за их одежды (в прошлом нередко домотканой), из-за диалекта или неумения вести себя "как все" – вследствие чего они чувствуют себя чужаками, а для самозащиты в ход идет "язык жестов", т.е. кулаки, а иногда и ножи. Свою неуверенность они пытаются преодолеть с помощью алкоголя. Статистика при этом свидетельствует, что число смертоубийств в Финляндии в 1970-е годы в среднем вдвое превышало их количество в Западной Европе, в Финляндии оно держалось на уровне 3–4 чел. на 100 тыс. населения, в Европе – 1–2 чел. на 100 тыс., а в соседней Швеции составляло всего 0,5 на 100 тыс. (Ibid.: 36–38, 41).

Итак, как показывают это и другие современные исследования (в частности, работы В. Верко (*Verkko* 1949)), корни данной ситуации в Финляндии следует искать не в лесу как таковом, и не в генетике, а в социальных условиях. В определенной мере это относится и к проблеме алкоголизма. Борьба с ним началась в Финляндии, как, впрочем, и в соседних странах, включая Россию, еще в дореволюционный период, когда и стали возникать различные общества трезвости. В Финляндии в 1870-е годы идею развития деятельности обществ трезвости поддерживал Сантери Алкио, основатель Аграрного союза; борьбу за трезвость вели также различные религиозные группы – питеисты, лестадианцы и др.

Тем не менее в послереволюционный период ситуация с алкоголизмом обострилась, не улучшилась она и в годы мирового кризиса 1929 г. Правительством Финляндии тогда были приняты достаточно решительные меры для борьбы с этим злом. В 1920–1932 гг. действовал сухой закон, но это не дало желаемых результатов, приведя лишь к интенсивному развитию контрабанды спирта (особенно из Эстонии)⁹. Позже алкогольная политика приняла другие формы. Так, все спиртные напитки, включая крепкие сорта пива, продавались только в "монопольках" по месту жительства. Для покупки их требовалось предъявлять личную карточку (которую получали в 21 год), при этом норма отпуска была ограничена одним литром спиртного в день. В субботние и воскресные дни эти магазины были вообще закрыты. Попытки купить спиртное в нетрезвом виде могли привести к лишению личной карточки. Наряду с этим в городах были организованы больницы для алкоголиков, ночлежки для бесприютных и т.д.

Конечно, несмотря на все меры, в том же Хельсинки сохранялся тип алкоголиков, живущих неизвестно на что, неизвестно где и пьющих неизвестно что. В целом ситуация в ходе времени улучшалась, хотя вряд ли можно было утверждать, что финны научились вообще цивилизованно пить. Выезжая за свой "железный занавес", они стремились отыгаться за вынужденное "воздержание". Проблема финских туристов была хорошо знакома и в Эстонии, и России, особенно Ленинграде и Москве.

В наши дни тех проблем с алкоголем и норм его продажи, что существовали до 1970-х годов, уже нет. Но и в 1990-е годы вряд ли были основания включать алкоголизм в стигматическую самохарактеристику финнов.

В исследованиях, связанных с возникновением негативной самохарактеристики финнов, не был обойден и вопрос о среде его возникновения. Это была, как и в прошлом, интеллектуальная элита страны (ср.: *Alapuro* 1998: 175). Она, разумеется, значительно отличалась от элит прошлых периодов.

В новейшее время она сформировалась из разных социальных слоев населения: широкого круга средних классов буржуазии, рабочих, крестьянства (*Apo* 1998: 90). Но что было определяющим признаком принадлежности к современной элите, к этому образованному слою?

Проведенные в 1990-е годы через газету Хельсинки Саномат опросы показали, что одним ее признаком было образование, другим – трудно конкретизируемое понятие

"образованности сердца" (*Alausari* 1998: 154). В целом, это, пожалуй, представление, соответствующее русскому определению интеллигенции.

Благодаря тому, что современная интеллигенция имела иные, чем в прошлом, социальные корни, более развитые взгляды на проблемы идентификации как таковой, а также благодаря многим другим факторам, оценка ею образа типичного финна, возникшая в 1990-е годы, не была однозначной. Как уже упомянуто в начале статьи, ряд представителей дисциплин, в первую очередь имеющих прямое отношение к изучению народной культуры, не присоединился к кампании самобичевания. Мало того, было много выступлений и против выдвигаемых в негативных самохарактеристиках положений. Мы использовали лишь часть этой литературы.

Современная интеллектуальная элита, как сформулировал в те годы социолог П. Аласуотари, в рассмотрении уровня культуры современного финна была амбивалентной (*Alausari* 1998). Так, выдвигалось немало и положительных суждений о современной культуре финнов. Во-первых, это их высокий образовательный уровень – 9-летнее образование обязательно по закону; во-вторых, финны – читающий народ, а такие показатели, как пользование мобильной связью и Интернетом, достигают в Финляндии высших международных уровней (*Ibid.*).

Интересно, что существует также тенденция представлять современный финский народ единым по его культурным интересам. Некоторые подчеркивают это как отличие от многих западноевропейских стран, где в культуре издавна существовали словесные различия (например, во Франции). В Финляндии же такого сословного расщепления в культуре не было. Однако говорить вообще об отсутствии в прошлом культурных барьеров в финляндском обществе нельзя. Одним из них был языковой: в то время как основная масса населения говорила на родном финском языке, языком элитных слоев страны, начиная от практической деятельности и кончая домашним обиходом, был шведский. (Исключение составляла церковь.)

Первые шаги утверждения финского языка в науке относятся к середине XIX в., а равноправие финского языка – начиная с формирования соответствующей системы школьного образования – к последней четверти XIX в. Можно было бы говорить и о различии городской и сельской культуры, но это особая тема.

Выдвигалось также мнение, что культурные запросы в наши дни однородны у всех социальных слоев финнов. Один из наблюдателей в качестве общефинского интереса к различным формам культуры приводит примеры того, что на некоторых общественных празднествах и увеселениях можно видеть людей различных социальных слоев (*Ibid.*). Единство вкусов проявляется также в широком интересе к различным народным фестивалям. При этом предполагается и равный интерес к культуре и у мужчин и у женщин. Правда, наряду с этим говорится и о том, что отсутствие у финнов иерархии вкусов свидетельствует об их неразвитости. Одна из исследовательниц проблем потребления культуры, М. Лииккайнен, отмечает, что это выглядит как парадокс: народ, оказывается, активно потребляет культуру, но при этом у него неразвитый вкус (*Liikkainen* 1998: 131). Ею были также проведены собственные исследования этого вопроса в те же 1990-е годы. Их результаты показали, что финляндское общество четко делится на две части: первая – это широкие народные массы, которые проявляют к высокой культуре интерес редко и случайно, и вторая – относительно небольшая группа, которая проявляет этот интерес значительно чаще, причем к разным областям культуры. Вопросы обследования предполагали, что признаком широких интересов может служить или посещения по меньшей мере 6 раз в год (суммарно) выставок, театра, танцевальных постановок, или по меньшей мере 3 раза в год посещение оперы. Людей, подходящих под эти показатели, оказалось всего 1–5% по каждому варианту. При этом среди них были преимущественно люди с высшим образованием и преобладали женщины (*Ibid.*).

В данном случае нет возможности остановиться на этом вопросе более подробно, но несомненно, что говорить о единстве вкусов и норм приобщения к культуре у всех слоев финского общества в конце XX в. нет достаточных оснований.

Финляндские исследователи при оценке позиций современной элиты к образу типичного финна наших дней не прошли мимо и того обстоятельства, что она по-прежнему сохраняла отношение к нему как человеку "другого круга".

Несмотря на то, что обычно, говоря о финнах, пишется "мы", образованная элита по-прежнему ставит себя вне народа и смотрит на него сверху вниз (*Alasuutari* 1998: 176). Это наиболее ярко отражает именно кампания самобичевания 1990-х годов: совершенно очевидно, что те, кто говорил о невежливом, неуважающем выразить свои мысли и неуправляемом в пьяном состоянии финне, себя к числу таковых не причисляли. Это подтверждается и различными косвенными высказываниями. Так, можно слышать призывы "демократизировать" культуру, т. е. предполагается, что высокая культура недоступна широким массам. В средствах массовой информации в политической пассивности упрекают не "нас", а именно народ и т.д. (*Ibid.*: 168).

Образ символического финна, как отмечено выше, менялся в ходе XIX–XX вв., причем в некоторых случаях, как, в частности, в 1990-е годы, – эти представления о нем могли быть недолговечными.

Интересно, что при этом и у самого народа, и у образованных слоев общества весьма устойчиво сохранялись представления об особенностях характера финнов различных исторических земель Финляндии, разных ее "племен". Они обрели и литературную форму в упомянутой уже "Книге нашей земли" Э. Топелиуса. Согласно этим характеристикам, жители Варсинайс-Суоми считались высокомерными, похъянмасцы – хвастливыми и агрессивными, хямесцы ("основной народ страны") – спокойными и молчаливыми, карьяласцы – добродушными и добрыми, савосцы – своекорыстными, лукавыми и изворотливыми в речах.

Разумеется, эти характеристики были условны, но они отражали определенные реалии. Причины этого крылись в нормах поведения, прививаемых человеку с ранних лет. Это достаточно убедительно и тонко проанализировано в ряде работ финляндских исследователей. Так, П. Саллинен-Гимпл, занимавшаяся изучением адаптации и традиций карьяласцев-переселенцев в западных местностях страны¹⁰, отмечала, что их поведенческие нормы в 1970–1980-е годы, т.е. через 30–40 лет после переселения, еще устойчиво сохранялись. При этом в Карьяла до переселения, т.е. в 1939 г. процент людей, родившихся там, не превышал 25%. Но определенные бытовые традиции сохранились всеми и были принесены затем в новые места жительства. Различия же между финляндским "западом" и "востоком" в частности, в нормах поведения в быту были достаточно существенны. Например, карьяласцы зашедшему в дом без приглашения соседу говорили: "Проходи к столу", и спрашивали: "Как поживаешь? (букв. "что слышно)". В западных районах вошедший останавливался в дверях, а хозяева задавали вопрос: "Какое у тебя дело?" Его могли даже угостить, но не приглашали к столу, а ставили ему стул у дверей и угощение давали туда на подносе (*Sallinen-Gimpl* 1987).

Манеру вести беседу "увертливых в речах" савосцев рассматривала в одной из своих работ фольклорист Л. Виртанен. В Саво детей с ранних лет приучали к тому, что в разговоре нужно быть деликатным: не говорить людям просто как обстоит дело или отвечать на вопрос "прямо в лоб", а объяснять это обходными путями, с осторожностью (*Virtanen* 1998: 66–68). Такие примеры можно было бы продолжить¹¹.

* * *

Стигматическая самохарактеристика финна, возникшая в 1990-е годы, была краткосрочным явлением. Но проводившиеся исследования и дискуссии тех лет были посвящены не только реалиям текущего момента. Они представили и анализ того, как

со времен образования финляндской автономии в начале XIX в. создавалась и трансформировалась характеристика типичного финна и что и кто играли в этом определяющую роль. Именно это, как нам представляется, интересно широкому кругу читателей.

Дискуссии тех лет были связаны с предстоящим вступлением Финляндии в ЕС и в отношении культуры была выработана такая позиция: Финляндия должна была бы сохранить определенную специфику финской культуры (*Alapuro* 1998: 177) или – по другой формулировке – Европа представляет универсальную цивилизацию, но Финляндия в ее составе – особую культурную единицу (*Ibid.*: 182–183).

Наряду с этим, как на различных симпозиумах, так и в публикациях проблема рассматривалась и в более широком аспекте – воздействия происходящей глобализации на национальные культуры, которое могло оказаться более значительным, чем общеевропейское. Для этого имелись определенные предпосылки: Финляндия была теперь не аграрной, а индустриальной страной, исчезла старая поселенческая система – население концентрировалось в городах и поселках различного типа. Была уже вполне ощутима нивелировка бытовой культуры: и в городе и в поселках распространялись типовые формы жилых построек, одежда массового производства и др. Люди носили одни и те же прогулочные костюмы, ели одну и ту же домашнюю пиццу, ездили на японских автомобилях, смотрели на экранах ТВ одни и те же рекламы и сериалы преимущественно американского производства.

Таким образом уже в 1990-е годы было трудно прогнозировать, какова будет та культура, которая может рассматриваться как специфически финская.

Примечания

¹ Видимо, установкой "нация-этнос" объясняется появление термина "шведоязычные финны" для местных шведов. Сами они называют себя или "финляндскими шведами" (*suomenruotsalaiset*), или локальными шведскими этнонимами.

² В настоящее время Финляндия не входит в число стран с высоким уровнем самоубийств: сегодня это Франция, Япония, страны Восточной Прибалтики, Россия, Венгрия (свыше 20 чел. на 100 тыс. населения). См.: Известия. 2006. 26 июля; Неделя. ... С. 12.

³ Эйно Лейно (1878–1926) был разносторонним литератором. Ему принадлежат несколько поэтических сборников, драмы, романы и новеллы, собрание баллад, переводы на финский язык "Божественной комедии" и ряда других классических произведений.

⁴ Кюэсти Вилкуна (*Kyösti Wilkuna*), наследный держатель двора в приходе Нивала. Известен как журналист, писатель исторических новелл и романов. Активно занимался краеведческой работой. Отец ведущего финского этнолога 1950–1970-х годов акад. Кустаа Вилкуна.

⁵ Среди таких произведений отмечены "Железная дорога" Ю. Ахо, "За спичками" Майю Лассила, "Хозяйка Нискавуори" Х. Вуолийоки, "Финские герои" Кюэсти Вилкуна и С. Ивало, "Работа отцов" Кустаа Вилкуна и др. (см.: *Apo* 1998: 88–89).

⁶ Анализ интриги романа, образов семерых братьев и подтекста событий прекрасно даны Т.И. Сильман в предисловии к русскому изданию еще 1961 г. (Киви А. Семеро братьев / Пер. с фин. Э. Карху. М.; Л., 1961).

⁷ Название статьи дано автором на основе существовавшей теории, что представления финнов о самих себе развивались на основе трех элементов – времени, языка и ландшафта (*Peltonen* 1998: 22).

⁸ Статистические выкладки автора основаны в первую очередь на "Публикациях финского юридического общества", архивных данных полиции и др.

⁹ О занятиях эстонцев контрабандой спирта в Финляндию см.: также *Luts A. Beziehungen der nordestnischen Küstenbewohner zu Finnland // Kolloquium Balticum Ethnographicum* 1966. В., 1968. S. 75–84.

¹⁰ Речь идет о населении тех частей Приладожской и Южной Карьяла, которые после войны отошли СССР: оно почти поголовно было эвакуировано в связи с военными действиями и затем расселено в различных частях Финляндии на отведенных для них землях.

¹¹ Стоит отметить, что особенности характеров, точнее, поведения жителей разных земель Финляндии старались сохранять не только в литературе, но и кинофильмах. См.: *Honka-Hallila* 1993.

Литература

- Невалайнен* 2003 – *Невалайнен П.* Изгои. СПб., 2003.
- Суни* 1989 – *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии: 50–70-е гг. XIX. Л., 1989.
- Шлыгина* 2004 – *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической Родине // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2004. № ...
- Шлыгина* 2006 – *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты: проблемы адаптации в Финляндии // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 136–170.
- Aho* 1919 – *Aho J.* Hajamietettä kapinaviikoilta: Loppiviikot. III Porvoo, 1919. S. 55–56.
- Alapuro* 1992 – *Alapuro R.* Mihin kansa katosi? // Kalevalaseuran vuosikirja 72. Helsinki, 1992. S. 7–12.
- Alapuro* 1998 – *Alapuro R.* Sivistyneiston ambivalentti // Elävänä Euroopassa: muutuva suomalainen identiteetti / Ed. P. Alasuutari, P. Ruusko. Tampere, 1998. S. 175–190.
- Alasuutari* 1998 – *Alasuutari P.* Alymistö ja kansakunta // Elävänä Euroopassa... S. 153–174.
- Apo* 1998 – *Apo S.* Suomalaisuuden stigmatsoinnin traditio // Elävänä Euroopassa... S. 83–128.
- Castrén* 1918 – *Castrén G.* De roda manaderna // Nya Argus. Helsingfors, 1918. S. 19–21.
- Gellner* 1983 – *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
- Goffman* 1963 – *Goffman E.* Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, 1963.
- Hämäläinen* 1985 – *Hämäläinen P.K.* Suomen ruotsalaisten rotukäsituksia vallankumouksen ja kansalais sodan aikana. Mongoleja vai germaaneja?: rotuterioiden suomalaiset / Ed. A. Kemiläinen // Historiallinen Arkisto 86. Helsinki, 1985.
- Honka-Hallila* 1993 – *Honka-Hallila A.* Vakavat hämäläiset ja kiivat pohjalaiset: Suomalaisen elokuvn "heimopiiriteiset" // Kalevalaseuran vuosikirja 1993. S. 27–43.
- Jutikkala* 1964 – *Jutikkala E.* Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964.
- Lepola* 2000 – *Lepola O.* Ulkomaalaisesta suomenmaalaiseksi. Monikulttuurisuus, kansalaisuus ja suomalaisuus 1990-luvun keskustellussa. Helsinki, 2000.
- Liikkainen* 1998 – *Liikkainen M.* Taideyleisöpuhe ja suomalaisuus // Elavana Euroopassa... S. 129–152.
- Mörne* 1936 – *Mörne A.* Axel Olaf Freudenthal. Liv och garning. Helsingfors, 1918. S. 232, 235–241.
- Peltonen* 1998 – *Peltonen M.* Omakuvamme murroskohdat: Maisema ja kieli suomalaisuuskäsityksen perasaineiksina // Elavana Euroopassa... S. 19–40.
- Ringbom* 1918 – *Ringbom.* Mass psychology och folkledare // Finsk Tidskrift. Helsingfors, 1918. S. 232, 235–241.
- Sallinen-Gimpl* 1987 – *Sallinen-Gimpl P.* Elävänä karjalaisuus. Jyväskylä, 1987.
- Sarajas* 1962 – *Sarajas A.* Viimaiset romantikot: kirjallisuuden aatteiden vaihtelua 1880-luvun jälkeen. Porvoo; Helsinki, 1962.
- Topelius* 1875 – *Topelius Z.* Maamme kirja. Helsinki, 1875.
- Verko* 1949 – *Verko V.* Lähimmäisen ja oma henki. Sosiaalipatologisia tutkimuksia Suomen kansasta. Jyväskylä, 1949.
- Weber* 1990 – *Weber E.* Of Stereotypes and the French // Journal of Contemporary History. 1990. № 25.
- Wikman* 1941 – *Wikman K.* Rob. Österbottens svenskar // Svenskt i Finland. Helsingfors, 1941. S. 92–94.
- Ylikangas* 1996 – *Ylikangas H.* Metsä suomalaisuuden mentaliteetin kasvualueena // Kalevalaseuran vuosikirja 75–76. Helsinki, 1996. S. 3–41.

N.V. Shlygina. Problems of Self-Identification of Finns in Recent Literature

The author states that the issue of self-identification of Finns became the subject of debate in the early 1990s, when Finland was getting ready for joining the European Union. It was then that a range of publications on Finnish identity emerged. Thus, some of the Finnish authors who compared Finns with other European peoples tended to emphasize certain superiority of the latter and show the former in a negative light. Yet the initial stigmatization of the negative in Finns' identity was soon to give way to other venues of self-perception. Tracing this and other related problems is the focus of the article.